

Зодческий ритуал: вместе с прошлым и будущим

Архитектура и строительство №2 (213) 2010 г.

Игорь Морозов

Обычай, вот в чем теперь нужда!

Райнер Мария Рильке

Подчинись – и вновь обрети

ритуальное отношение.

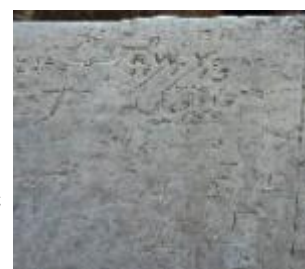
Конфуций

Любуясь, как на высоком берегу, на виду у всего люда честного Витебска скрупулезно реконструируется, по сути, восстанавливается заново величественный Успенский собор, не мог не заключить: это не просто плановое мероприятие, не рядовая стройка, но возвышенный символический акт трансисторического значения – зодческий ритуал.

Истое и великое предназначение зодчества – выразить актуальные идеи, споспешествовать стабильному, предсказуемому, должному, благодатному ладу-порядку. Так что по глубинной сути зодчество ритуально, если ритуал – особое духовное событие, обеспечивающее победу Космоса над Хаосом. Ту победу, которую на уровне бессознательного мы несем в себе с первой попытки человека поставить вертикально мегалит и тем обозначить стабилизирующий репер в ойкумене. Причем не только, и даже не столько в пространстве, сколько во времени, которое феноменальным образом также становится культурным, историческим, ритуальным.

Зодчество не имитирует, не подражает и не оформляет ритуал, но само служит ритуалом – от возникновения желания и идеи по переустройству мира до ее реализации, от выбора места для строения до вынужденного сноса и замены его. И так испокон веку. Поэтому архаические зодчие-шаманы не удивились бы, застав нас на торжественной закладке “краеугольного камня”, “разрезании ленточки” при его завершении стройки, допуске ее в нашу общую судьбу. Как и наши потомки, уверен: на инопланетье будут упиваться “забиванием первого колышка”.

С такими многомерными реперами мы понимаем, чувствуем духовную связь с самыми дальними пращурами и неведомыми потомками. Ибо мы не пишем “каменную летопись” человечества с чистого листа – передаем по эстафете, словно путеводный факел, все наше существо, поддерживаемое древнейшими традициями и насущными инновациями. Иначе говоря, творим, преобразуем не между, а вместе с прошлым и будущим. Отсюда

наши треволения за сохранность старинных зодческих реперов и возмущение посягательством на них.

Возведение Пирамид также было своеобразным, благодатным, необходимым всему Египту ритуалом. Потому и хотели его многочисленные участники, чтобы даже Время боялось их. Вот только оно реально неумолимо, и Пирамидам приходится считаться с ним (фото 1). Однако не видно, чтобы здесь собралась техника и принялась за водворение блоков на место. В таком “потрепанном” виде Пирамиды, пожалуй, наиболее выразительно выказывают свою, точнее, общечеловеческую древность. А паломники со всего света – будь то Джон или Хусейн какой –

трепетно процарапывают на их исполинских гранях послание всем, кто еще навестит зодческие реликвии, типа нашего “здесь был Вася” (фото 2). Эти современные петроглифы – вовсе не варварство и отсутствие культуры, а своеобразное неистребимое ее достояние. Поэтому обилием таких разноязычных уважительных приветствий памятники могут и гордиться, как не закрываемой “книгой почетных гостей”. Хотя, с другой стороны, закономерно и возмущение этим покушением – порчей первоначала.

Все это о том, что нас завораживает, гипнотизирует ход новостройки – как не оставляет равнодушным крушение старого здания, с которым, кажется, уходит важная частичка нашей общей биографии. В то же время издевательство, ликвидация произведений, олицетворяющих, скажем, ненавистный режим, воспринимаются как праздник, торжество нового, актуального над старым, отжившим. Особенно этот ритуал популярен в лихие годы социально-политических переворотов, которые начинаются с низвержения зодческих представителей ненавистного прошлого, поскольку уничтожаются не просто строения, но многозначительные символы, отождествляемые с реальной жизнью.

Большинство культовых памятников мы потеряли в мирные годы “воинствующего атеизма”, особой религии в безверие. Не желающие помнить о своем родстве, объявив “войну дворцам”, вождьеленно сносили храмы “старого мира”, дабы на обломках старовластья написать свои имена, соорудить именные дворцы-святыни, но...

Проходит Время, и все в определенной степени возвращается на круги своя. Теперь эти кумиры – объекты восстановительного ритуала. На защиту обреченных до последнего поднимаются ортодоксы их культа, поэтому еще постоят коммунистические мавзолеи, хотя и без обожествляющих их многотолпных ритуалов-демонстраций. Впрочем, в Софии не стали церемониться – и некогда культовое сооружение заказало нам всем долго жить. В Албании услужливо запроектированный в виде пирамиды мавзолей идеологически пережил и своего хозяина, и его

диктатуру. Реконструировали его демонстративно под бар, назвав к тому же издевательски иронично – “Мумия”.

Спасти оставшиеся сможет опять-таки Время, за которое неминуемо оседает воинствующая пыль, а само произведение теряет былое ритуальное идеологическое значение, уходя на второй план строительной повседневности (фото 3).

Нередко происходит и вовсе, казалось бы, нереальное – в свое время оклеветанные анахронизмы становятся вновь востребованными, и мы начинаем ими гордиться как самобытным достоянием. Некогда языческий Колизей преспокойно разбирался христианами на свои нужды, пока один из пап римских эпохи Возрождения не крестил его.

То есть порой, можно сказать, из богославия мы впадаем богоборчество. Боремся то с “излишествами”, то с их отсутствием, то всячески консервируем, то прощаемся без особого сожаления, то вроде бы устанавливаем образцовый, классический порядок, то опять свержаемся в хаотичность исканий. Отсюда и периодическая пертурбация стилей и направлений в зодчестве – как зеркало всяческих революций в общественном сознании, где, впрочем, сохраняется не меньше, чем трансформируется.

Словом, зодчество как истый ритуал преисполнено реконструкцией, совмещающей два, казалось бы, противоположных вектора – восстановление в первоначальном виде и коренное переустройство, перестройку с целью улучшения, усовершенствования. Так своеобразно обобщается социальный опыт, когда стремление жить в упорядоченном и стабильном мире периодически требует нарушения сложившегося порядка, космогония предполагает предварительную деструкцию. Наилучшим образом этот общечеловеческий феномен диалектики выразили древние индусы, уверовавшие в свою, на первый взгляд, странную неразлучную “святую троицу”. Или Тримурти (так сказать, “три в одном”) – Вишну, великий бог-охранитель, Шива, не менее великий реформатор, и здесь же обязательно их вдохновитель и бесстрастный рефери-рассудитель – Брахман, безличный абсолют, лежащий в основе всего сущего.

Впрочем, некогда прочно обретшие ритуальные отношения индусы и сегодня более почитают Вишну – посему и не сносят памятники, оставленные даже бывшими их завоевателями. А все более задумываются о реставрации собственных старинных святынь. Нынешние паломники гордятся спецовками из строительных лесов, что словно примерило на себя изваяние Вишну внутри храма (фото 4).

Однако какова будет стратегия намеченной реконструкции, ведь воспроизвести древнеиндусские шедевры с их неповторимой даже в пределах одного строения каменной резьбой не представляется возможным? Индейцы, сохраняющие ритуальное отношение, – противники имитации. Вставками из аналогичного камня они лишь говорят, что здесь некогда был родной, уникальный фрагмент (фото 5).

А вот относительно будущего у девятисотлетнего храма даже воображение молчит. Как можно из несметных осколков (иногда буквально щебня), старательно разложенных по большой территории, собрать нечто, достойное внимания? Однако за их сохранностью денно-нощно следит не только Вишну, но и сторож с наблюдательной вышки (фото 6).

Что делать, если реконструкция лишит покоя, поломает нормальную жизнь, волею судеб капитально укоренившуюся в непосредственной близости ко все еще сопротивляющемуся небытию памятнику? Непростые у них отношения (фото 7)...

Иные довольно быстро укореняются в ритуальные отношения. Не так давно в одном из наших городов – практически тайком от художественной общественности – поставили памятник православной святой. Люди со вкусом отворачиваются, а верующие откровенно молятся... Попробуй теперь заменить, хотя бы реконструировать его.

Зачастую важна не столько скорость восстановления, сколько сам факт его желанья, продвижения – символ, что нам дорого прошлое как таковое, свидетельство наличия еще ритуальных отношений. Поэтому сегодня в мировых масштабах чрезвычайно важна и точность реконструкции. И мало кого беспокоит, сколько еще продлится ритуал реставрации афинского Акрополя, ведь ее высококлассные специалисты озабочены сугубо достоверностью восстанавливаемого. Это вселяет общий оптимизм – ведь в точности воспроизводя памятник, мы психологически накрепко привязываемся к историческому реперу и так – осознанно или нет – обретаем ритуальную опору в мире, которую, как по эстафете, удовлетворенно передаем потомкам.

Поэтому реконструкцию, восстановление знаковых памятников нередко инициируют и им попечительствуют крупные государственные руководители, отчего и они сами, и зодческий ритуал обретают особую, “брахманическую” значимость.

При этом обывателя, к счастью-сожалению, мало волнует, что в “средневековых доспехах” – современные “опилки”. В своем большинстве нам важна не форма-буква, а идея-дух априори ритуальной реконструкции. Поэтому давно угасли пылкие негодования относительно обилия синтетики в воссозданном храме Христа Спасителя в Москве. Они не возникают и при восстановлении нашего Успенского собора, которое с его торжественного освящения, десятилетних работ и, уверен, открытия глубоко символично-самобытный, можно сказать, национальный ритуал Времени собирать утраченные Камни.

Но, видать, не Время собирать Камни для некогда величественного храма величественного царя Соломона. Ведь сохранившийся остов его – Стена Плача свята для иудеев сама по себе, ибо вполне собирает их по всему миру на сакральный, ныне преисполненный для них особого символизма ритуал.

Да и скромной старине достаточно лишь приоткрыть свой возраст, чтобы уважать себя заставить даже в суетливой повседневности (фото 8).

Мы же множим примеры – ничем по благочинию не мотивированные покушения на уникальную первозданность. В том числе (см. “АиС”, 2009, № 4), конечно же, беспрецедентная реконструкция одного из минских шедевров Лангбарда. Не хватило, видать, нам мудрого, не ангажированного “брахманического” начала. Толику бы его проявить профессионалам. Но наш союз нерушимый архитекторов свободных, полпред

профессиональной чести, добросовестности, на этот счет вообще многозначительно и малопочтительно промолчал. Хотя эзотерические ритуалы съездов и фестивалей блюдет заповедно. Можно ли после таких триумфов эгоистичного Шиваизма “вишновать” всех нас с успехом?!

Как бы то ни было, всегда останется зазор-повод для обсуждений о сущности и методах реконструкции – и в целом, и в каждом конкретном случае. Худо, что здесь трудно обойтись без личностных интересов и амбиций и всегда найдутся нередко исключительно популистские радетели верховенства Вишнуизма или Шиваизма.

Наконец, надо отдавать отчет, что абсолютная реставрация – “воскрешение”, возвращение к первоначалу – в принципе, невозможна. А ее разоблаченная подделка разочаровывает вконец. Взлелеянный антиквариат тут же теряет свою пользу-красоту, как только обнаружится в нем фальшивка. Сколько дискуссионных копий уже сломалось о виртуальные стены Минского замчища, о котором достоверно известно разве что местоположение! Реконструируя его в “первозданном” виде, мы в любом случае получим имитацию. Или, как я ее назову, – эффект мадам Тюссо с ее восковыми фигурами, о которых говорят: “как живые”. Но они бесконечно не живые, не жизнеспособные – прельщают, умиляют своей аттрактивностью, но не более. Значит, нужны оригинальные идеи, подвигающие современные ритуальные отношения.

Досконально восстановить, реставрировать берлинский Рейхстаг, напротив, имелись все возможности. Но возобладала идейная реконструкция, вследствие чего “новое” здание, не забывая о страшном прошлом, утверждает ритуалом символического подъема нормальное будущее (“АиС”, 2006, № 3).

Другое дело, когда само Время подвигает реконструкции по малому и большому. Только что у Кремлевской стены закончилась реконструкция мемориала Вечного огня, и его возвращение вылилось в значительный ритуал. Все вроде как и было с первоначала? Нет, на полированном граните появились отчетливые фактурные насечки – теперь никто не поскользнется. И кто после этого бросит камень упрека в реконструкторов?

Или кто ныне осудит Османа, решительно покончившего с затхлым, эпидемическим лабиринтом средневекового Парижа? Однако не менее радикальную, также “шиваистическую”, реконструкцию, предложенную Ле Корбюзье, вряд ли примут когда-либо к исполнению. Время разбрасывать, колоть, засорять исторические Камни для многих ушло. А что понуждает нас вторгаться доморощенными небоскребами-мегалитами в пределы послевоенного центра Минска, уникального, как уже признано, памятника ансамблевого зодчества?..

С отказом от догмата механических, функциональных отношений модернизма, мы, конечно же, противоречиво, сложно, болезненно, но возвращаем принципы обычаев, ритуальные отношения – подчиняемся не силе, но вселенской гармонии. А это вновь, хочется верить, оживит зодчество, то есть вернет его к нормальному космогоническому процессу, где на паритетных началах традиционно-новаторски будут сотворчествовать бытовые, нравственные, политические, религиозные, художественные приоритеты. В том числе обязательны и профессиональное мастерство, совесть, гордое, ответственное достоинство хомо-ритуаликус.